

ИЗВѢСТІЯ
ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Подъ редакціей Правителя Дѣла И. И. Серебrenникова.

Томъ XLV. 1916 годъ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ
Дмитрія Александровича
Клеменца.



И Р К У Т С К Ъ.
Типографія Иркутскаго Т-ва Печатнаго Дѣла.

1917.



Дмитрій Александровичъ
Клеменць въ 187⁵/₆ г.

Д. А. КЛЕМЕНЦЪ

ВЪ

этнографическомъ Отдѣлѣ Русскаго Музея Императора
Александра III.

(1901—1909 г. г.).

I.

Дмитрій Александровичъ Клеменцъ, возвращаясь изъ археологической экскурси, совершенной имъ лѣтомъ 1888 года въ районъ писаницъ и дрезнихъ могильниковъ Кызыльской Степной Думы Енисейской губерніи Ачинскаго уѣзда, остановился на короткій срокъ въ селѣ Ужурѣ (того-же уѣзда), лежащемъ на пути его слѣдованія. Въ этомъ селѣ жили тогда тѣсной дружеской семьей политическіе изгнанники. Часть изъ нихъ вела на товарищескихъ началахъ и принципѣ полного личнаго труда небольшое сельское хозяйство, пользуясь имъ, главнымъ образомъ, какъ лучшимъ и вѣрнымъ способомъ сближенія съ мѣстнымъ крестьянствомъ, въ цѣляхъ изученія его быта и познанія его психологіи. О существованіи въ Ужурѣ «политиковъ», о ихъ хозяйствѣ и ихъ культурной работѣ среди населенія Дмитрій Александровичъ, несомнѣнно, зналъ, такъ какъ «ужурцы» находились въ близкихъ отношеніяхъ съ миусинскими товарищами и въ дѣловыхъ—съ завѣдующимъ Миусинскимъ публичнымъ музеемъ и библіотекой Н. М. Мартьяновымъ, съ которымъ Д. А. связывала и личная дружба и совмѣстная работа по устройству этого музея.

Д. А. Клеменцъ первый нанесъ визитъ колоніи «политиковъ» въ Ужурѣ.

Помню, на немъ была надѣта темная блуза съ кожанымъ кушакомъ и плисовые шаровары, запущенные въ высокіе сапоги; мягкая черная шляпа покрывала голову. Среди насъ, носившихъ крестьянскую затрапезную одежду и обувь, Д. А. казался богато одѣтымъ; на самомъ дѣлѣ это былъ простѣйшій костюмъ сибирскаго путешественника.

Вся фигура Дмитрія Александровича, впрочемъ, была проста и въ то же время необыкновенно оригинальна и привлекательна. Когда онъ говорилъ, то былъ неподражаемъ въ своей размѣренной, но живой и образной рѣчи, часто блиставшей веселымъ юморомъ, не покидавшимъ его иногда и въ разгарѣ серьезныхъ споровъ. Съ нимъ сближали людей, кромѣ того, простота обращенія, свойственное ему чувство доброжелательства, уваженіе къ личности и чужому мнѣнію, широта и прогрессивность взглядовъ, философское настроеніе творческаго ума, твердость моральныхъ и общественныхъ принциповъ. Разносторонность и основательность знаній, богатый жизненный опытъ и опытъ безстрашнаго и неутомимаго путешественника, изслѣдователя жизни народовъ Сибири и прилегающихъ странъ, дѣлали Д. А. чрезвычайно интереснымъ собесѣдникомъ. Всѣ эти качества Дмитрія Александровича выяснились для меня впоследствии. Но и первая встрѣча съ нимъ въ с. Ужурѣ весьма расположила меня къ нему и оставила самое отрадное воспоминаніе.

На слѣдующій день мы были у Д. А.; онъ занималъ помѣщеніе на «дворянской»^{*)}). Здѣсь впервые я познакомился съ супругой его Елизаветой Николаевной, ставшей на всю жизнь другомъ и неразлучной спутницей Д. А. въ его разнообразныхъ экскурсіяхъ и путешествіяхъ. Насъ встрѣтили товарищески—привѣтливо. Дмитрій Александровичъ сообщалъ различныя вѣсти изъ міра, отъ котораго мы были изолированы, рассказывалъ интересные случаи изъ своихъ поѣздокъ, знакомилъ съ цѣлью и результатами послѣднихъ. Незамѣтно бесѣда перешла на тему о задачахъ изслѣдованія жизни сибирскаго населенія; Д. А. при этомъ сдѣлалъ много полезныхъ и цѣнныхъ указаній.

^{*)} Квартира отъ сельскаго общества и волости для временныхъ остановокъ проѣзжающихъ чиновниковъ или путешественниковъ.

Одиннадцать лѣтъ спустя, я встрѣтился съ Д. А. Клеменцемъ въ Петербургѣ. За эти годы онъ проявилъ поразительно кипучую дѣятельность: какъ многосторонній публицистъ и ученый, какъ правитель дѣлъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и энергичный организаторъ, на средства И. М. Сибирякова, грандіозной экспедиціи для всесторонняго изученія всѣхъ народностей Якутской области. Наконецъ, въ этотъ же періодъ времени Д. А. совершилъ нѣсколько удачныхъ и богатыхъ результатами научныхъ путешествій по Сибири, Монголіи и Восточному Туркестану. Въ частности, матеріалы его поѣздки въ Туркестанъ представили высокой степени научную цѣнность и «положили начало ряду европейскихъ экспедицій и огромной важности открытіямъ въ области исторіи искусства, лингвистики и древнѣйшихъ взаимодѣйствій культурныхъ странъ Азіи».*) Данныхъ, собранныхъ Д. А. въ эту экспедицію, по отзыву профессора Д. Анучина, сохранять его дѣло «связаннымъ съ исторіей открытія замѣчательныхъ памятниковъ средне-азиатской письменности, искусства и вообще культуры» **).

Въ моментъ нашей вторичной встрѣчи, уже въ столицѣ Россіи, Д. А. занималъ мѣсто старшаго этнографа въ Музеѣ Антропологии и Этнографіи имени Петра I при Академіи Наукъ. Получивъ приглашеніе отъ супруговъ Клеменцевъ, я сталъ изрѣдка навѣщать ихъ, находя радушный пріемъ и встрѣчая у нихъ кругъ интересныхъ лицъ (В. В. Радлова, Л. И. Лутугина, С. Н. Южакова, Д. Н. Мамина-Сибиряка и др.)

Однажды Д. А. повелъ меня въ Музей Антропологии и Этнографіи. Шагъ за шагомъ онъ знакомилъ меня тамъ съ богатствами Музея, вдаваясь мѣстами въ подробныя объясненія нѣкоторыхъ этнографическихъ коллекцій. Въ живыхъ разсказахъ Д. А. чувствовалось обширное знакомство съ духовнымъ и матеріальнымъ бытомъ народностей, представленныхъ въ музеѣ. Подъ вліяніемъ этихъ разсказовъ неодушевленные предметы для меня какъ бы оживали, теряли свою бездушность; за ними я чувствовалъ живую жизнь на-

*) Л. Ш-гъ. Памяти Д. А. Клеменца. «Рѣчь». 1914 г. № 11.

**) «Рус. Вѣд.», 1914 г., № 7.

родовъ, изготовлявшихъ всё эти вещи для своего домашнего и хозяйственного обихода, для удовлетворенія собственной эстетики или религіозной потребности. Поясненія Д. А. дѣлали вмѣстѣ съ тѣмъ понятными цѣль и задачи Музея.

Живя въ Сибири, я немного работалъ по музейной части, доставляя коллекціи по этнографіи сибиряковъ-старожиловъ въ Минусинскій музей*), видѣлъ также одинъ два провинціальныхъ музея, но въ первый разъ, однако, увидѣлъ столичный академическій музей, заключавшій въ себѣ этнографію всего міра, въ особомъ, вдобавокъ, освѣщеніи несомнѣннаго знатока этнографіи и искренно любящаго музейное дѣло человѣка.

Я вышелъ изъ музея—другомъ музея, заинтересованнымъ жизнью народовъ.

Въ 1902 году я искалъ себѣ занятій. Въ виду благожелательнаго ко мнѣ отношенія покойнаго академика В. И. Ламанскаго, рецензировавшаго, будучи предсѣдательствующимъ Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, мою работу «Матеріалы по народной медицинѣ», представленную въ это Отдѣленіе въ 1896 г.**), я обратился къ нему съ просьбой оказать въ моихъ поискахъ возможное содѣйствіе. Принявъ близко къ сердцу мое затруднительное положеніе, В. И. Ламанскій направилъ меня къ Д. А. Клеменцу, которому поручена была тогда организація при Русскомъ Музеѣ Этнографическаго Отдѣла. Д. А., какъ только я изложилъ сущность дѣла, сейчасъ же изъявилъ готовность помочь мнѣ. Дѣйствительно, при его непосредственномъ участіи я былъ, вскорѣ допущенъ въ число сотрудниковъ Этнографическаго Отдѣла по вольному найму.

Лишь съ теченіемъ времени я ознакомился, насколько могъ, съ исторіей возникновенія Этнографическаго От-

*) Е. Н. Яковлевъ. Описаніе Минусинскаго Музея. Вып. IV, 1900 г. стр. 129.

**) Отчетъ Имп. Рус. Географ. О-ва за 1896 г. и «Живая старина» за 1897 г.

дѣла и узналъ, какая работа выпала на долю Д. А. Клеменца въ дѣлѣ формировація и постепеннаго роста этого молодого сравнительно учрежденія Всероссійской Этнографіи.

II.

«Музей не книга, не учебникъ народовѣдѣнія, а только наглядное пособіе въ изученію вещественныхъ памятниковъ быта».

«Отдѣльное мѣстѣ» (см. ниже) Д. Клеменца.

Русскій Музей Императора Александра III, обладая прекраснѣйшимъ зданіемъ Михайловскаго дворца, могъ со времени своего возникновенія (1895 г.), оборудовать первоначально отдѣлъ, посвященный памяти Императора Александра III, и отдѣлъ, въ которомъ размѣщены были художественныя произведенія русскихъ мастеровъ кисти и образцы религіознаго искусства православной церкви; третій отдѣлъ долженъ былъ представить собраніе вещественныхъ памятниковъ этнографіи Россіи и ея художественной промышленности. Къ осуществленію его приступлено было значительно позже. А пока этотъ отдѣлъ оставался безъ специальныхъ средствъ, безъ собственнаго помѣщенія и постоянныхъ работниковъ; самый процессъ накопленія потребныхъ для него матеріаловъ совершался спорадически. Такая неопредѣленность положенія дѣла не могла, конечно, долго продолжаться. Какъ ни были случайны поступленія пожертвованій и приобрѣтеніе вещей, но за нѣсколько лѣтъ послѣднихъ накопилось все же до пяти слишкомъ тысячъ. Создавалось уже затрудненіе въ производствѣ описи вещей и ихъ храненію; становилось очевиднымъ, что съ пріисканіемъ или постройкой зданія для будущаго отдѣла медлить дальше было уже нельзя; ощущалась также неотложная необходимость въ созданіи общаго плана предстоящей сложной и отвѣтственной работы; нуженъ былъ опредѣленный кадръ служащихъ и т. д. Для выясненія подобныхъ вопросовъ и была учреждена въ 1901 году особая совѣщательная комиссія. Въ нее вошли, по особому приглашенію,

представители науки и музейнаго дѣла,*) въ томъ числѣ и Д. А. Клеменць, какъ старшій Этнографъ Музея Антропологии и Этнографіи имени Петра I.

На обсужденіе совѣщательной комиссіи было предложено два основныхъ вопроса:

1. Какую этнографію необходимо имѣть въ виду, говоря о будущемъ Этнографическомъ Отдѣлѣ: этнографію народовъ, живущихъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи, или всемірную этнографію?

2. Какого держаться порядка при расположеніи коллекцій въ отдѣлѣ—племенного или географическаго?

По первому вопросу комиссія пришла къ слѣдующему заключенію:

Въ Этнографическомъ Отдѣлѣ Русскаго Музея Императора Александра III должны быть:

1. Главный Отдѣлъ, ксторому необходимо удѣлять и теперь и всегда возможно больше вниманія: отдѣлъ этнографіи: а) Россіи въ географическихъ границахъ Имперіи; б) сопредѣльныхъ съ Россією странъ, если въ нихъ живутъ племена, которыя есть и въ Россіи; в) славянскихъ племенъ, хотя бы они и не соприкасались съ русской границей.

2. Придаточные отдѣлы, въ которыхъ долженъ быть сосредоточенъ матеріалъ для сравнительнаго изученія этнографіи Россійской Имперіи.

3. Библіотека.**)

По вопросу о расположеніи этнографическихъ матеріаловъ въ Отдѣлѣ, мнѣнія комиссіи раздѣлились: одни при-

*) Академики Н. П. Кондаковъ, В. И. Ламанскій, А. Н. Пыпивъ, В. В. Радловъ, А. И. Соболевскій, А. А. Шахматовъ, вице-президентъ Академіи Художествъ графъ И. И. Толстой, вице-президентъ Имп. Рус. Географ. О-ва П. П. Семеновъ, почетный академикъ И. В. Стасовъ, прив. доцентъ СПб. У-та Д. А. Коропчевскій, старшій этнографъ Музея Антроп. и Этнографіи при Ак. Наукъ Д. А. Клеменць, гофмейстеръ Л. Н. Харузинъ, завѣдующій Минусинскимъ музеемъ Н. М. Мартыановъ, архитекторъ Высоч. Двора В. Ф. Свиныинъ, секретарь Августѣйшаго Управляющаго А. А. Тевяшевъ, находящійся въ распоряженіи Августѣйшаго Управляющаго П. Н. Шеферъ.

**) Отчетъ о дѣятельности Рус. Музея Имп. Александра III за 1900 г. стр. 13—14.

навали, что нужно это дѣлать по племенамъ, другіе предлагали держаться географическаго порядка, допуская нѣкоторыя уступки въ пользу распредѣленія коллекцій по племенамъ. Кромѣ того, не вполне ясно формулированнымъ остался и первый вопросъ о задачахъ Отдѣла. Въ виду обнаружившихся разногласій въ мнѣніяхъ, по предложенію Д. А. Клеменца, образована была особая подкомиссія для выработки проекта раздѣленія Россіи на культурно-географическія области, по которымъ и должны быть расположены будущія коллекціи въ Этнографическомъ Отдѣлѣ. Въ подкомиссію избраны были: В. И. Ламанскій, П. П. Семеновъ, Д. А. Коропчевскій, Д. А. Клеменць и В. Ф. Свиньинъ.

На состоявшемся совѣщаніи подкомиссіи большинство членовъ примкнуло къ схемѣ, предложенной П. П. Семеновымъ: она дѣлила Россію на 21 географическую и культурно-историческую область: 1) Московскую промышленную, 2) Центрально-земледѣльческую, 3) Озерно-Новгородскую, 4) Финляндію, 5) область крайняго Сѣвера, 6) Балтійскую, 7) Литовскую, 8) Привислянскую, 9) Бѣлорусско-Полѣвскую, 10) Малороссію, 11) Новгородскую, 12) Донско-Прикавказскую, 13) Закавказье, 14) Приволжскую, 15) Приуральскую, 16) Киргизскую, 17) Туркестанскую, 18) Западно-Сибирскую, 19) Средне-Сибирскую, 20) Приамурскую и 21) Приморскую.

Д. А. Клеменць, поддерживая принципъ культурно-географическаго расположенія экспонатовъ въ Отдѣлѣ, вкладывалъ въ это выраженіе иное пониманіе. Онъ устранялъ мысль держаться при этомъ историческихъ традицій, а тѣмъ паче имѣть въ виду административное дѣленіе Россіи, какъ допустили то и другое отчасти сторонники указанной выше «схемы». Ему представлялось вполне возможнымъ и единственно цѣлесообразнымъ установленіе болѣе крупныхъ культурно-географическихъ областей, которымъ «могло быть подчинено болѣе дробное дѣленіе», и включеніе въ сферу вѣдѣнія музея и этнографіи прилегающихъ къ Россіи странъ, поскольку съ ними существуютъ у Россіи тѣ или иныя связи и т. д.

Расхождение во взглядах на этот вопрос съ остальными членами подкомиссии побудило Д. А. выступить въ общей комссии съ «отдѣльнымъ мнѣніемъ».*)

Къ сожалѣнію, это мнѣніе напечатано на правахъ рукописи, въ видѣ приложения къ № 3-му протокола предварительнаго совѣщанія объ устройствѣ и организаціи Этнографическаго Отдѣла Р. М. Имп. Александра III. Автора нѣтъ въ живыхъ. Этнографическій же Отдѣлъ, считая его записку своею собственностью, ревниво хранить ее въ своемъ архивѣ. Между тѣмъ, «предложеніе Клеменца», заключающееся въ этой запискѣ, явилось тѣмъ фундаментомъ, на которомъ и созданъ этотъ Отдѣлъ, какъ хранилище этнографіи Россійской Имперіи и сопредѣльныхъ странъ, куда Россія направляетъ свою дѣятельность политическую, торговую или просвѣтительную; какъ научное учрежденіе, вмѣщающее въ себѣ и этнографію славянъ вообще. По обоснованности теоретическихъ соображеній, по логической стройности доводовъ и ясной формулировкѣ основныхъ положеній проекта расположенія коллекцій въ Отдѣлѣ, «отдѣльное мнѣніе» Клеменца приобретаетъ и большой научный интересъ, представляя цѣнный вкладъ въ область музеевѣдѣнія. По всѣмъ этимъ мотивамъ, «предложеніе Клеменца» безусловно заслуживаетъ быть опубликованнымъ полностью во всеобщее свѣдѣніе. Намъ же дано разрѣшеніе использовать этотъ документъ, ставшій уже историческимъ, лишь въ предѣльныхъ извлеченіяхъ.

Входя въ разсмотрѣніе «схемы» подкомиссии по существу, Д. А. Клеменць не усматриваетъ въ ней строго научной системы и полагаетъ, что «порядокъ областей и составъ ихъ», ею проектируемый, не даетъ «полной непрерывной картины культурно-этнографическихъ явленій громадной Имперіи»**).

*) Отдѣльное мнѣніе старшаго этнографа Императорской Академіи Наукъ Д. А. Клеменца, члена комссии для выработки проекта раздѣленія Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III.

***) «Отдѣльное мнѣніе», стр. 1.

Такъ:

Первую область образуетъ Московскій промышленный районъ, къ которому причисляется и вся Костромская и вся Тверская губерніи. *Вторая*—лежитъ къ югу, граничитъ на югъ съ Малороссіей и называется центральной земледѣльческой областью. *Третья*—переноситъ насъ на сѣверъ въ область Новгородской земли. Въ *четвертой*—мы расстаемся съ Русскими и переходимъ въ Финляндію. Сдѣлавъ этотъ ненужный перерывъ, не оправдываемый ни топографическими соображеніями ни этнографіей, мы въ *пятой* области обращаемся къ Русскому сѣверу, включаемъ сюда Архангельскихъ Лопарей, Самоѣдовъ и Зырянъ, и ставимъ рядомъ съ Русскими и Самоѣдами въ *шестой* области Латышей и Эстовъ. *Седьмая* область—Литва *Восьмая*—Привислянскій край, Поляки и Евреи. Мы пока подвигались, начиная съ шестой области, къ югу, но въ *девятой*—идемъ на востокъ, въ Бѣлорусское Полѣсье, а въ *десятой*—снова на югъ, въ Малороссію; въ двухъ послѣднихъ, стало-быть, снова возвращаемся къ Русскимъ племенамъ. *Одиннадцатая* область—Новороссійскій край, и *двѣнадцатая*—Сѣверо-Кавказская и Придонская мѣстности. Въ Донской области должны быть представлены Калмыки и Ногайскіе татары, а также нѣкоторыя горскія племена. Въ *тринадцатой* области мы опять бросаемъ Русское населеніе и отправляемся въ Закавказье. *Четырнадцатая*—снова переводитъ насъ на Русскія области—въ Поволжье, отъ Астраханской до Казанской губерніи включительно. Въ этой области, одной изъ немногихъ, приняты во вниманіе интересы этнографіи; кромѣ инородцевъ, живущихъ въ Поволжьѣ, къ нимъ отнесены ихъ сородичи изъ районовъ перваго промышленнаго и втораго центрального, въ виду незначительнаго количества инородцевъ въ этихъ коренныхъ Великорусскихъ областяхъ. Точно также, какъ и слѣдовало, Киргизы внутренней Букеевской орды отнесены къ *шестнадцатой* области, посвященной Киргизскимъ племенамъ, но опять таки безъ Бурутовъ и Кара-Киргизовъ. *Пятнадцатая* область лежитъ по обѣ стороны Уральскаго хребта, прихватываетъ Оренбургскую губернію и, вѣроятно, земли Уральскаго войска. *Шестнадцатая*—Киргизская, чисто этнографическая область, хотя тоже не

безъ исключеній. *Семнадцатая* передвигаетъ насъ на югъ къ границѣ Персіи и Авганистана, обнимая собою какъ кочевья, такъ и осѣдлыя племена нашихъ Средне-Азіатскихъ владѣній*). *Восемнадцатая*, отъ границъ Персіи до жаркаго Туркестана, вдругъ переноситъ насъ въ Западную Сибирь. Эта область—чистый микрокосмъ; здѣсь, кромѣ Русскихъ—всѣ инородческія племена Алтая, Тобольской и Томской губерній; здѣсь мы снова встрѣчаемъ оставленныхъ нами въ пятой области Самоѣдовъ и Остяковъ. *Деятнадцатая*—Средне-Сибирская—посвящена Русскому населенію, Саянскимъ племенамъ и Бурятамъ. *Двадцатая*—состоитъ изъ Якутской области и сѣверной части Приморской области. *Двадцать первая*—изъ южной половины Приморской и Амурской области.**)

Оказалось, такимъ образомъ, что наряду съ болѣе или менѣе послѣдовательно расположенными культурно-географическими группами, какъ это сдѣлано преимущественно въ отношеніи Сибири, «схема» допускаетъ нежелательные прорывы географическаго и культурнаго характера и совершаетъ произвольно «перетасовки совершенно однородныхъ группъ». Дѣло доходить до того, что «мы четыре раза бросаемъ Русскихъ и возвращаемся къ нимъ», раздѣлили на двѣ области Остяковъ и т. д. Астраханскихъ Калмыковъ отставили отъ Букеевскихъ Киргизовъ, живущихъ въ географической смежности.

Подробную программу Д. А. Клеменць находитъ пригодной развѣ только для цѣлей и задачъ областныхъ музеевъ и отнюдь не соотвѣтствующей программѣ Всероссийскаго Музея. Ему представлялось, что въ устроенномъ такимъ порядкомъ совокупномъ музеѣ «посѣтитель» или «изучающій» его, прогулявшись по анфиладѣ залъ, обставленныхъ этнографическими экспонатами по указкѣ «схемы» подкомиссіи, имѣлъ бы полное право сказать:

«Я вижу здѣсь Поволжье, Новгородскую область другія мѣстности Россіи, но между ними нѣтъ никакой связи. Гдѣ же вся Россія? Гдѣ ваша общая система? Изъ

*) Д. Клеменць. «Отдѣльное мнѣніе», стр. 2.

**) Очеркъ дѣятельности этнограф. Отдѣла. «Матеріалы по этнографіи Россіи», т. I. стр. III.

Московской и центральной земледѣльческой области выдѣлили инородцевъ, въ виду ничтожнаго процентнаго содержанія ихъ, почему же въ Западно-Сибирской области, гдѣ ихъ тоже ничтожное количество, вы поставили ихъ вмѣстѣ съ Русскими и отдѣлили отъ родственныхъ племенъ, живущихъ съ ними бокъ о бокъ? А главное, зачѣмъ разбили вы Великорусское племя, вопреки географіи, вопреки кровному родству? Зачѣмъ вамъ не представить ихъ въ полномъ развитіи, во всѣхъ переходахъ, ихъ постепенномъ распространеніи отъ границъ культурныхъ инородцевъ до Океана?»

Д. А. Клеменць далѣе считаетъ необходимымъ предостеречь отъ увлеченія «историческими соображеніями». Ибо въ поискахъ историческихъ и доисторическихъ памятниковъ страны, имѣющихъ важное значеніе для ея этнографіи, можно, говоритъ онъ, «этнографическій музей превратить въ историко-археологическій, при рискѣ, что археологическія области не совпадутъ съ областями позднѣйшей исторіи» (4) Подобную миссію должны взять на себя мѣстные областные музеи. Центральный же этнографическій музей, по его мнѣнію, «не можетъ задаваться энциклопедической программой» (4).

Вдобавокъ, установка этнографическихъ коллекцій по предложенной «схемѣ», замѣчаетъ Д. А. Клеменць, повлекла бы къ трудно устранимымъ практическимъ неудобствамъ. Лица, которымъ будетъ поручено завѣдываніе отдѣлами центрального этнографическаго музея, должны будутъ проявить исчерпывающее «знаніе своей области, литературы и, главнымъ образомъ, вещественныхъ памятниковъ». Завѣдующему, допустимъ, Поволжьемъ, Уральскимъ и Западно-Сибирскимъ отдѣлами «надобно знать и великорусскую этнографію, и восточныхъ Финновъ и Татаръ, быть знакомымъ и съ шаманствомъ, магометанствомъ и буддизмомъ» (5). Д. А. сомнѣвается, чтобы нашлись вообще подобные «энциклопедисты», и полагаетъ, что «особенно трудно ихъ найти для такого музея» (5). Онъ считаетъ при этомъ недопустимымъ, чтобы «дѣленіе музея на отдѣлы было-бы одно, а дѣленіе служащихъ по специальностямъ другое»: такой порядокъ, несомнѣнно, нарушилъ бы радикальнымъ

образомъ единство плана размѣщенія коллекцій и самое содружество въ музейной работѣ персонала, что повлекло бы къ возникновенію ряда недоумѣнныхъ и трудно разрѣшимыхъ вопросовъ, къ тому, что «одинъ завѣдующій мѣшалъ бы другому» (5). Дѣло музея не двигалось бы.

По всѣмъ вышеизложеннымъ мотивамъ, Д. А. Клеменць находить «предложенное подкомиссіей дѣленіе неудобопримѣнимымъ» (5) и взаимно рѣшается выдвинуть на очередь иную программу. Въ оправданіе «подобной дерзости», онъ ссылается на то, что къ этой программѣ дѣленія «склоняются авторитеты этнологіи на Западѣ» (6).

Прежде всего Д. А. счелъ нужнымъ оговориться, что распределенія экспонатовъ въ этнографическомъ музеѣ по народностямъ или группамъ родственныхъ народностей, по его убѣжденію, дѣлать не слѣдуетъ, на слѣдующемъ основаніи:

«Родство народныхъ группъ во многихъ случаяхъ составляетъ предметъ спорный. Большинство народностей не представляютъ собой чистыхъ однородныхъ типовъ; въ громадномъ числѣ случаевъ народности—это результаты смѣшенія разнородныхъ элементовъ, и среди признаковъ, характеризующихъ эти агрегаты, неизвѣстно, какимъ отдать преимущество въ дѣлѣ классификаціи. Нѣкоторые настаиваютъ на анатомическихъ признакахъ, другіе на лингвистическихъ, третьи—выдвигаютъ бытовыя, соціологическія примѣты. Во всякомъ случаѣ, надобно помнить, что музей не книга, не учебникъ народовѣдѣнія, а только наглядное пособіе къ изученію вещественныхъ памятниковъ быта. Благодаря этому, всякое научное положеніе, которое не можетъ быть подтверждено свидѣтельствомъ вещественныхъ экспонатовъ, остается и должно остаться невыраженнымъ въ музеѣ. Напримѣръ, родство двухъ народностей, доказываемое исключительно на основаніи лингвистическихъ соображеній, хотя оно было бы совершенно безспорно, не можетъ быть демонстрировано въ музеѣ. Сверхъ того, основываясь на чисто теоретическихъ соображеніяхъ, пришлось бы соединять народы, живущіе на разныхъ концахъ земли, стояшіе на совершенно различныхъ ступеняхъ развитія: Финляндецъ и Венгерецъ—цивилизо-

ванные люди, осѣдлые, занимающіеся науками и искусствами, а сосѣди ихъ—фино-угорскія племена Сибири—дикари, стоящіе на довольно низкой ступени развитія; не менѣе страннымъ было бы сопоставленіе Османскаго турка съ Якутомъ» (6).

Неустойчивымъ въ научномъ отношеніи и примѣнительно къ музейной практикѣ, Д. А. Клеменць находитъ и «этнографическій порядокъ» распредѣленія коллекцій въ музеѣ. Онъ высказывается исключительно въ пользу принципа, который, при дѣленіи музейнаго матеріала, ставитъ во главу угла взаимоотношенія между *природой и человекомъ*.*)

Свою мысль онъ подкрѣпляетъ слѣдующими соображеніями.

«Природа съ незапамятныхъ временъ, еще за предѣлами исторіи, опредѣлила образъ жизни человѣка. Обитателя сѣвера заставила заботиться о топливѣ, теплой одеждѣ, тепломъ жилищѣ. Она не дала ему на сѣверѣ ни тѣхъ растений, которыя приносятъ плоды по нѣскольку разъ въ году, ни хлѣбныхъ злаковъ... и заставила его искать пищи животной, сдѣлала его охотникомъ и промышленникомъ. Въ умѣренной полосѣ она превратила его изъ охотника сначала въ собирателя, потомъ въ воздѣлывателя хлѣбныхъ злаковъ; подъ тропиками она заставила воздѣлывать другіе виды растений; въ пустыняхъ и степяхъ она сдѣлала изъ него номада... Арабъ-Семитъ, Эіопъ-Галласъ, потомки древней исчезнувшей расы, Туарегъ, Киргизъ, Монголь—всѣ, несмотря на различіе происхожденія,—кочевники, всѣ бродятъ со своими стадами, пользуясь переносными жилищами, потому что живутъ въ пустынѣ. Самоѣды, Остяки, Чукчи, Юкагиры—оленоводы и охотники, несмотря на различіе ихъ происхожденія. Тотъ же Чукча, на берегу океана, превращается изъ бродячаго въ сидячаго, строитъ себѣ землянку, превращается въ морского охотника.

Этотъ коренной принципъ распредѣленія человѣчества по образу жизни, опредѣляемому самой природой..., простъ и понятенъ. Полный значенія для прошлаго и настоящаго, онъ не потеряетъ значенія и въ будущемъ. Ес-

*) Курсивъ нашъ. А. М.

ли когда-либо и будетъ возможно разводить полярныхъ песцовъ въ Аравіи и культивировать чай въ Архангельской губерніи, то для этого надобно будетъ все-таки посвятить массу силъ на борьбу съ природой, считается съ ней, и всегда съверъ останется коренной родиной песка, Китай—чайнаго кустарника» (7).

Въ границахъ Россіи Д. А. Клеменць отмѣчаетъ четыре основныхъ культурно-географическихъ области: 1) сѣверная полярная тундра, 2) область осѣдлой жизни, земледѣлія и воздѣлыванія хлѣбныхъ злаковъ, 3) область степей, кочевой жизни и 4) область теплыхъ странъ, гдѣ съ земледѣліемъ процвѣтають садоводство, виноградарство и т. п.; въ прилегающихъ къ Россіи странахъ эта область переходитъ въ поясъ подтропической культуры (8).

Слѣдуя принципу,—«природа и образъ жизни», Д. А. предлагаетъ раздѣлить музей на культурно-географическія области, понимая подъ терминомъ «культура» въ данномъ случаѣ: «приспособленіе къ природнымъ условіямъ жизни, опредѣляющимъ бытъ и занятія большинства населенія, массы народа» (8). Такое дѣленіе влечетъ установленіе въ музей большихъ районовъ, заполненіе ихъ экспонатами крупныхъ культурныхъ группъ, и въ то же время «допускаетъ массу подраздѣленій» внутри cadaго района, позволяеть, на примѣръ, «культурныя группы», образованныя въ нихъ, «разбить на отдѣльныя группы представителей различныхъ отѣнковъ, разновидностей» одной и той же культуры. При этомъ Д. А. настаиваетъ на одномъ лишь, какъ на самомъ существенномъ и незыблемомъ правилѣ, чтобы: «Олончанинъ стоялъ рядомъ съ Архангельцемъ, Вологжаниномъ, а не съ Орловцемъ и Тамбовцемъ, чтобы Самоѣды Архангельскій и Тобольскій не были разставлены въ разныхъ углахъ музея потому, что подчинены двумъ разнымъ губернаторамъ» (8).

Въ качествѣ дополнительнаго руководящаго начала, Д. А. Клеменць рекомендуетъ: «не раздроблять черезполосными дѣленіями Великорусскаго племени» (9). Территорія

его распространения, говорит Д. А., огромна, разнообразие природных условий, в которых Русские ведут борьбу за существование, поразительно, разнохарактерность инородческих культур, в соприкосновение с которыми они входят, необыкновенна. Несмотря на это, Русские племена и прежде всего Великоруссы «сумели сохранить, за ничтожным исключением, свою индивидуальность» (9). Тем более приобретут, по мнению Д. А., научную ценность представленные в музей вещественные памятники, которые покажут «все постепенные изменения быта, приспособлений и образа жизни Русских» (9), начиная от границ Белоруссии и Малороссии и кончая крайним востоком Сибири. Если же вдобавок будет обращено серьезное внимание «на русские вещи, обычаи, вошедшие в обиход среди инородцев коренных, а также метисов, карымов, представляющих все переходы от инородца к коренному-руссаку» (13), тогда музей в свою очередь получит вещественные доказательства степени влияния культуры Русских на быт, занятия, религию, язык и даже физической тип известной части инородцев Российской Империи. Это влияние будет видно, будет констатировано научно. (11)

Не видит Д. А. Клеменц надобности, однако, в тенденциозном выставлении Русских, по рецепту схемы подкомиссии, «на первом плане» музея, с расчетом на «импозантный» эффект. Он убежден, что «преобладание русских национальных элементов может обеспечить только одно условие: *обилие хороших экспонатов, тщательный подбор их, систематическое изучение этой отрасли. Перевзвесь русского лучше всего достигнется, если сам музей и его администрация займется им по преимуществу. Без этого же никакие первые планы не помогут*» (11).

Здесь оканчивается общая критика Дмитрием Александровичем «схемы» подкомиссии, а затем следует изложение собственного его плана разделения России на культурно-географические области, исходя из которых, по его мнению, надлежит разбить экспонаты этнографическа

го музея на соответствующіе районы и отдѣлы. Эти области Д. А. Клеменць расположилъ въ слѣдующемъ порядкѣ.*)

«*Первая*—полярная—область начинается отъ границъ Скандинавіи, пройдетъ вдоль всего Ледовитаго побережья до Тихаго океана, охватывая собою тундру и тучастыя лѣсовыя, гдѣ человѣкъ занимается звѣроловствомъ, гдѣ хлѣбопашество практикуется только въ видѣ пробы, и то не во многихъ мѣстностяхъ. Это область оленя и собаки. Она интересна, какъ край, въ которомъ, въ предѣлахъ Россіи, сохранилась первобытная культура. Узкая на западѣ, она низко спускается къ югу, на крайнемъ востокѣ доходитъ почти до береговъ Амура. Взятая въ цѣломъ, расположенная въ линейный рядъ, она допускаетъ раздѣленіе по этническимъ группамъ. Начинаясь Лопарями на западѣ, она продолжается Самоѣдами, захватываетъ Остяковъ, Вогуловъ за Ураломъ и Остяко-Самоѣдскія группы, далѣе переходитъ къ Юракамъ и Долганамъ и объякутившимся Самоѣдамъ. Затѣмъ она очень удачно прерывается оригинальной группой Якутовъ, отдѣляющей Угро-Самоѣдскія племена отъ разнообразныхъ гиперборейскихъ народовъ: Юкагировъ, Чукчей, Коряковъ, Аино и Гиляковъ. Сюда же войдутъ и Тунгусскія племена» (12).

«*Вторая* область самая громадная въ музеѣ. Охватывая весь сѣверъ умѣреннаго пояса, она крайне разнообразна. По этническому составу—это область русскихъ племенъ и инородцевъ, наиболѣе культурныхъ представителей ихъ. На сѣверѣ она начинается тамъ, гдѣ возможно хлѣбопашество въ качествѣ постоянного занятія. Въ полосѣ лѣсовъ, гдѣ начинается хлѣбопашество, однако же и при немъ, играютъ роль мѣстные промыслы, звѣроловство, рыболовство: рѣчное и озерное. Въ слѣдующей затѣмъ области, гдѣ начинается вырѣвать рожь, все еще продолжа-

*) Въ виду особой оригинальности и цѣнности научнаго «предложенія Клеменца», мы находимъ цѣлесообразнымъ перепечатать въ подлинникѣ это мѣсто отъ 1-го до 10 пункта, прося извиненія у Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III за невольное но оправдываемое, требованіемъ научной истины, злоупотребленіе правомъ перепечатки излишняго количества страницъ (съ 12-й по 15-ю) изъ «напечатаннаго на правахъ рукописи» отдѣльнаго мнѣнія Д. Клеменца. А. Макаренко.

ются лѣсные промыслы, развивается кустарная промышленность и отхожіе промыслы на югъ. Ниже къ югу идетъ нечерноземная полоса, въ которой занятія жителей крайне разнообразны. Въмѣстѣ съ отхожими промыслами на югъ и домашней промышленностью, благодаря близости къ центрамъ и особымъ экономическимъ условіямъ, развивается крупная фабрично-заводская промышленность; это, если угодно, промышленный районъ программы комиссіи; но безъ Весьегонскаго уѣзда Тверской и сѣвера Костромской губерній, которыя будутъ въ предыдущей полосѣ. Къ югу слѣдуетъ черноземная и черноземно-степная область земледѣлія. Она охватываетъ все пространство отъ нечерноземной полосы до береговъ Чернаго моря, исключая южный берегъ Крыма. Въ этой области на югѣ начинается виноградарство, изъ хлѣбныхъ злаковъ начинаютъ преобладать высокіе сорта пшеницы, входитъ въ сѣвооборотъ кукуруза. Это въ Европейской Россіи. Въ Сибири дѣленіе второй области проще. Кустарные промыслы тамъ развиты слабо, фабричная промышленность только въ зачаткѣ, лѣсные промыслы на сѣверѣ не имѣютъ значенія, благодаря тому, что лѣсъ имѣется и на югѣ Сибири, въ самой населенной ея части. До кукурузы, винограда, даже садоводства дѣло въ Сибири не доходитъ нигдѣ, кромѣ юга приморья.*) Сѣя рожь, ячмень, овесъ и на югѣ пшеницу, Сибирякъ не бросаетъ звѣриныхъ промысловъ.**) На югѣ Сибири къ юго-земледѣльческимъ занятіямъ присоединяется обширное табунное скотоводство и отчасти совершенно новый народный промыселъ—мелкая золотопромышленность.

Нужно упомянуть, что къ этой же культурно-географической области принадлежатъ Финляндія, Остзейскій край, Литва и Польша. Какъ распредѣлить эту громаду народностей въ музеѣ? Наиболѣе наглядный порядокъ былъ бы такой, который давалъ бы возможность передать

*) Садоводство, хотя и слабо, существуетъ въ Амурской области и въ Минусинскомъ уѣздѣ Енисейской губерніи, гдѣ въ послѣдніе годы слѣлавъ былъ опытъ культуры дикаго винограда, давшій нѣкоторые положительные результаты.

**) Мы присовокупили бы и рыболовство А. Макаренко.

приблизительно дѣйствительное распредѣленіе хотя бы только русскихъ племенъ по территоріи.

Представимъ себѣ, что музей состоитъ изъ продольныхъ залъ, соединенныхъ поперечными галлереями. Тогда ближе къ краю, положимъ, лѣвому, можно помѣстить Финляндію (IV обл.) за ней Остзейскую область (VI), Литву (VII), Привислянскую (VIII). Итакъ, культурные народы помѣщены съ краю; за ними первый рядъ будетъ—сѣверная часть земледѣльческой полосы съ ея вариантами, вплоть до промышленной; третій—Бѣлоруссія; промышленная область съ Московской (центръ), Средне-поволжье; четвертый—Малороссія, черноземная полоса, Новороссія, Донъ, Нижнее-поволжье, Русское населеніе Сибири и осѣдлые инородцы Россіи и Сибири... На самомъ же дѣлѣ для западныхъ инородцевъ придется допустить распредѣленіе условное расположивъ ихъ въ той послѣдовательности, въ какой они слѣдуютъ другъ за другомъ въ дѣйствительности, т. е. Польша, Литва, Остзейскій край, Финляндія. Для русскихъ же народностей, мнѣ кажется, будетъ возможность расположить ихъ въ строго географическомъ порядкѣ, такъ, чтобы, подвигаясь въ одномъ направленіи, посѣтитель изъ Малороссіи переходилъ къ Бѣлоруссамъ, а оттуда въ Псковскую и Новгородскую губерніи; двигаясь въ другомъ—онъ изъ Малороссіи перешелъ бы въ Новороссію, затѣмъ на Донъ, на Уралъ и въ Сибирь. Такимъ образомъ, онъ могъ бы пересѣчь всѣ культурныя полосы отъ цвѣтущихъ долинъ Малороссіи до холоднаго Онежскаго побережья или прослѣдить данную область отъ границъ Польши до Тихаго океана» (12—13).

«Третья область—Восточные осѣдлые инородцы, Татары поволжскіе, казанскіе, Черемисы, Чуваши, Зыряне, Пермьки и Зауральскіе сосѣди—Татары тобольскіе, осѣдлыя племена юга Сибири. Эта группа должна быть расположена по сосѣдству въ Русской, такъ какъ на ней преимущественно сказалось русское вліяніе» (14).

«Четвертая область—степи, переходящія въ пустыни. Она начинается на юго-востокѣ Россіи, захватываетъ Киргизскія степи, кочевой югъ Сибири. Начинаясь Ногайцами и Калмыками, она съ Киргизами, кочевниками Тур-

кестана, тѣз Алтайскимъ Калмыкамъ, Теленгутама, Саянскимъ племенамъ, Бурятамъ и обурятившимся Тунгусамъ. Это будетъ непрерывная географическая и культурная полоса, исчерпывающая вопросъ объ одной изъ стадій развитія челоуѣчества».

«Пятая область южной культуры съ преобладаніемъ садоводства, виноградарства и земледѣлія съ искусственнымъ орошеніемъ. Къ ней я причисляю южный берегъ Крыма, Кавказъ, Туркестанъ. Имѣя общія черты, южная земледѣльческая группа легко и удобно дѣлится на мѣстныя группы—Крымъ, Кавказъ и Туркестанъ. Каждый изъ нихъ, въ свою очередь, будетъ, конечно, дѣлиться на меньшіе отдѣлы, но природныя условія этихъ мѣстностей, географическое положеніе заставляеть выдѣлить ихъ особо. Въ избѣжаніе недоразумѣній, я здѣсь прибавлю еще, что, на примѣръ, и самый Кавказъ раздѣлится на нѣсколько группъ, и значительная часть неизбѣжно должна будетъ войти въ отдѣлъ христіанскихъ древностей. Христіанское искусство Грузіи и Арменіи—отдѣлъ настолько богатый, что втиснуть его въ чисто этнографическія рамки будетъ невозможно» (14—15).

Этими соображеніями исчерпываются взгляды Д. А. на раздѣленіе Россіи по культурно-географическимъ областямъ.

Экспонаты же «странъ прилегающихъ или странъ, находящихся въ сферѣ торгово-политическаго и нравственнаго вліянія Россіи», говоритъ дальше Д. А. Клеменць, «должны составить второстепенные отдѣлы», занимая въ музеѣ особыя помѣщенія, или будучи пригнанными къ соответствующимъ областямъ Русскаго Государства. Изъ этихъ странъ Д. А. составилъ пять дополнительныхъ областей, краткій перечень которыхъ даетъ въ порядкѣ послѣдовательной нумераціи. А именно:

«Шестая область охватываетъ собою всѣхъ внѣроссійскихъ славянъ. Необходимость этого отдѣла въ русскомъ музеѣ больше, чѣмъ очевидна. Седьмая область — неславянскія племена Балканскаго полуострова, т. е. Румыны, Албанцы, Меридиты. Наши связи съ Балканскимъ полуостровомъ возрастають и крѣпнють. Для

изученія самихъ славянъ необходимо представить въ музеѣ и ихъ сосѣдей. *Восьмая* — Левантъ, Персія съ Белуджистаномъ и Авганистаномъ. *Девятая* — Китайскій Туркестанъ, Манчжурія, Корея и Японія. *Десятая* — Монголія и Тибетъ» (15).

Число культурно-географическихъ областей въ Россіи, со странами прилегающими, по проекту Д. А. Клеменца, свелось всего лишь къ десяти. Его дѣленіе,

«давая возможность представить цѣльно всѣ русскія народности, вмѣстѣ съ тѣмъ и остальные дѣлится на удобообозрѣваемая группы. Широта рамокъ даетъ въ значительной мѣрѣ возможность согласовать въ предѣлахъ каждой изъ группъ распредѣленіе экспонатовъ съ ростомъ музея и его фактической наличностью. Условность понятія о странахъ прилегающихъ даетъ возможность, по мѣрѣ роста нашихъ сношеній съ заграничными странами, включать ихъ въ кругъ вѣдѣнія музея» (15).

Послѣднее тѣмъ болѣе важно, что изученіе этихъ странъ, говоритъ Д. А., «составляетъ нашу обязанность передъ наукой и отечествомъ» (16).

Увеличеніе научныхъ познаній въ этой области, къ тому же, должно способствовать назрѣвшей давно уже потребности распространенія въ Россіи «осмысленныхъ знаній о тѣхъ странахъ, куда направляется наша дѣятельность политическая, торговая или просвѣтительная», что, несомнѣнно, обезпечить, съ одной стороны, «успѣхъ нашихъ начинаній» въ этомъ направленіи, а съ другой — добытые изъ странъ прилегающихъ вещественные памятники для этнографическаго музея явятся такъ же, какъ и всероссійскіе экспонаты, нагляднымъ пособіемъ для удовлетворенія «запросовъ простой любознательности» населенія и серьезныхъ требованій ученыхъ специалистовъ.

Поэтому Д. А. Клеменць, заканчивая свой докладъ, «считаетъ въ высшей степени важнымъ включить прилегающія страны въ область вѣдѣнія музея. Иначе онъ скоро устарѣетъ и не будетъ отвѣчать запросамъ русской жизни и ея поступательному развитію».

Въ общемъ итогъ «предложеніе Клеменца» можно свести къ слѣдующимъ тезисамъ:

1. Этнографическій музей долженъ быть Всероссийскимъ центральнымъ научнымъ учрежденіемъ.

2. Въ немъ должны быть представлены безусловно цѣльно все Русскія племена, все другія народности Россійской Имперіи, а также все славянскія племена, независимо отъ ихъ политическихъ границъ.

3. Сборы этнографическихъ коллекцій, по масштабу намѣченной программы, необходимо производить планомерно, исчерпывающе, примѣнительно къ принципу «природа и образъ жизни» и въ соответствии, въ отношеніи Россіи, съ предложенной Д. А. системой дѣленія Имперіи на культурно-географическія области и отдѣлы.

4. Причемъ перевѣсъ русскаго достигнется лучше всего, говоря словами Д. А., если самъ музей и его администрація займется имъ по преимуществу.

5. Въ область вѣдѣнія этнографическаго музея всенепремѣнно надлежитъ ввести и страны, прилегающія къ Россіи, куда проникло наше торговое, политическое или просвѣтительное вліяніе.

6. Этнографическіе экспонаты этихъ странъ должны составить второстепенные отдѣлы, занимая въ музеѣ особыя помѣщенія или будучи пригнанными къ соответствующимъ областямъ Россіи. Эти отдѣлы должны быть расширяемы по мѣрѣ роста нашихъ сношеній съ заграничными странами.

7. Идя такимъ путемъ, музей не устарѣетъ впослѣдствіи и будетъ отвѣчать запросамъ русской жизни и ея поступательному развитію.

Программа Д. А. Клеменца, какъ охватывающая цѣликомъ этнографію Россійской Имперіи, этнографію странъ, прилегающихъ къ Россіи, и этнографію славянскихъ земель, признана была задачей, достойной Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III. Она получила одобреніе Августѣйшаго Управляющаго Русскимъ Музеемъ Императора Александра III Великаго Князя Георгія Михайловича.

III.

Въ концѣ 1901 года Д. А. Клеменцъ приглашенъ былъ на должность завѣдующаго Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея Императора Александра III.*)

На Д. А. возложено было общее управленіе отдѣломъ и организація программной его дѣятельности. Онъ принялъ на себя, кромѣ того, обязанность хранителя—этнографа по району Сибири и странъ, прилегающихъ къ ней съ востока и юга. Остальные районы распределены были между его тремя помощниками: одному хранителю—этнографу порученъ былъ сѣверно-русскій районъ съ западнымъ краемъ и славянскими землями; другому—районъ съ Русскими племенами центральной, южной и восточной Россіи; третьему—Кавказъ, Черноморское побережье и передняя Азія. Хранителямъ предоставлена была въ достаточной мѣрѣ самостоятельность дѣйствій въ ихъ районахъ. Въ музейной работѣ ихъ объединяла общность программы, однородность задачъ и единство цѣли.

Въ области организаціонныхъ вопросовъ общаго характера, плана и способовъ сбора коллекцій, технического оборудованія отдѣла, порядка размѣщенія въ немъ экспонатовъ и т. п., штатъ служащихъ подчинялся рѣшенію Совѣта этнографическаго отдѣла съ его еженедѣльными засѣданіями подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Управляющаго или его Товарища. Введеніемъ въ управленіе дѣлами принципа коллегіальности Отдѣлъ, между прочимъ, обязанъ былъ вѣсцѣло Д. А. Клеменцу.

Получивъ «временный» штатъ служащихъ **) и собственный бюджетъ въ 54368 рублей въ годъ (изъ коихъ 40.000 рублей на сборы коллекцій), Этнографическій Отдѣлъ уже могъ приступить къ практической работѣ. Въ первомъ же отчетномъ году была выработана и напечатана «программа

*) Дальнѣйшія свѣдѣнія о Д. А. Клеменцѣ я черпаю изъ годичныхъ отчетовъ музея, «Очеркъ дѣятельности этнограф. отдѣла» (Матеріалы по этнографіи Россіи. СПб. 1910 г. Т. I, стр. I—XVII), некрологовъ и др. источниковъ.

**) Проектъ временныхъ штатовъ служащихъ Этнографическаго Отдѣла Высочайшимъ приказомъ былъ утвержденъ 10-го января 1902 г. (Собр. Уз. 1 февр. 1902 г., № 18).

для собиранія этнографическихъ предметовъ», а также разработанъ планъ командировокъ для сбора вещественныхъ памятниковъ, приступлено было къ регистраціи*) накопившихся въ Отдѣлѣ коллекцій и т. п. Лѣтомъ 1902 года состоялись этнографическія поѣздки штатныхъ хранителей въ разныя области Россіи, съ цѣлью сбора коллекцій. За вѣдующій отдѣломъ Д. А. Клеменцъ совершилъ поѣздку за границу для изученія постановки дѣла въ иностранныхъ музеяхъ. Имъ были осмотрѣны съ этой цѣлью музеи: Стокгольма, Берлина, Гамбурга, Бремена, Нюрнберга, Дрездена, Цюриха, Праги и Бѣлграда. Поѣздка дала весьма цѣнныя свѣдѣнія о постановкѣ музейнаго дѣла, типахъ музейной мебели, планахъ распредѣленія коллекцій, приготовленіи манекеновъ и проч. **).

Съ тѣми же цѣлями получали въ послѣдствіи командировки за границу и штатные хранители отдѣла.

Пока воздвигалось выставочное зданіе, все вниманіе отдѣла было обращено на пополненіе коллекцій. Явилась необходимость въ командировкахъ для сборовъ музейныхъ экспонатовъ, кромѣ штатныхъ хранителей, частныхъ корреспондентовъ; стали привлекаться къ этой же работѣ мѣстные работники; поощрялись жертвователи.

Отвѣтственная организаціонная работа и текущая дѣла лишали Д. А. Клеменца возможности самому, какъ того хотѣлось ему, совершать далекія путешествія по Сибири съ этнографическими цѣлями. Готоваго кадра подготовленныхъ этнографовъ, знающихъ къ тому же Сибирь, которымъ можно было бы поручить сборы сибирской этнографіи, въ сущности говоря, не было. Самъ Д. А. былъ того мнѣнія, что недостатокъ этнографовъ-спеціалистовъ можетъ

*) Въ этой работѣ примѣнена была такъ называемая «списочная система», принятая въ Стокгольмскомъ Национальномъ Музеѣ, но съ нѣкоторыми измѣненіями: регистрируемая коллекція получаетъ два номера—одинъ обозначаетъ самую коллекцію, другой—служитъ порядковымъ номеромъ для каждаго ея предмета; оба номера переносятся (чернилами или красками) на регистрируемую вещь; такой списокъ, по провѣркѣ съ наличностью, заносится (названія предметовъ и число ихъ) въ инвентарную книгу коллекцій отдѣла, съ краткимъ указаніемъ мѣстности, народности, способа пріобрѣтеній, года поступленія. (Отчетъ Р. М. И. А. III. за 1902 г. стр. 12).

**) Отчетъ, 1902 г., стр.

быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, восполненъ мѣстными интеллигентными силами и толковыми представителями простого народа, которымъ не чуждо знаніе народнаго быта, и свойственно пониманіе того, что отъ нихъ требуется въ данномъ дѣлѣ. Потребность въ подобной организаціи мѣстныхъ работниковъ въ Сибири усугубляется, по признанію Д. А., «отдаленностью ея провинцій, малочисленностью и разбросанностью населенія и недостаткомъ путей сообщенія». По этимъ соображеніямъ и обстоятельствамъ, Д. А. Клеменць находилъ допустимымъ сборы этнографическихъ коллекцій по району Сибири ввѣрить на первое время своимъ сибирскимъ друзьямъ и знакомымъ; изрѣдка онъ возлагалъ подобныя порученія на лицъ, командированныхъ въ Сибирь научными обществами или учрежденіями; подъ собственнымъ его руководствомъ организовались также собиратели коллекцій и изъ числа постоянныхъ сотрудниковъ Отдѣла.

Первая группа, — мѣстные работники, — была самая большая.

Мѣстные работники. (1902—1909 г.).

Лица.	Года.	Сибирь и прилегающія страны.	Народности.
Ю. Л. Горбатовскій .	1904	Тобольская г., Тарскій у. .	Татары.
И. А. Асановъ . . .	1905	Томская г., Алтай	Теленгит., Калм.
С. П. Швецовъ . . .	„	» »	Великоруссы.
А. В. Адриановъ .	1904—1908	» »	Татары Чернев.
„	„	Енисейская г. Минусин. у.	Качинцы. Сагайцы и др. турки.
„	„	» » Ачинскій у.	
Ф. Я. Конь	1904	» » Минусин. у.	Качинцы и др. .
Д. М. Головачевъ .	1904	» » Ачинскій у.	Кызыльцы.
П. Е. Островскихъ	1902—1904	» » Турух. кр. .	Великорус. ы, остяки, самоѣды, юраки, долгане, якуты.
А. Н. Тугариновъ .	1908	» » » » .	Остяки.
Д. П. Першинъ . .	1902—1903	Иркутская губ.	Великоруссы.
С. А. Пирожковъ .			Буряты.

Лица.	Года.	Сибирь и прилегающія страны.	Народности.
М. Н. Хангаловъ . .	1904—1909	Иркутская губ.	Буряты.
Ц. Жамцарано . . .	1905	Забайкальская обл.	Буряты.
В. Вампиловъ	1907	» »	Буряты.
Л. Жабъ	1907—1909	» »	Буряты.
Д. М. Головачевъ . .	1909	» »	Орочены.
А. И. Поповъ	1902—1909	Якутская обл.	Великоруссы, якуты, тунгусы, юкагиры, чукчи, ламуты.
Э. К. Пеккарскій . .	1902—1904	» »	Якуты, тунгусы.
В. Е. Поповъ	1903	» »	Тунгусы.
В. М. Юновъ	—	» »	Тунгусы.
Э. К. Пеккарскій . .	—	Приморская обл.	Тунгусы, коряки.
Н. П. Сокольниковъ	1903—1909	» »	Ламуты, коряки.
К. Д. Логиновскій .	1906—1909	Камчатка	Камчадалы, ламуты, чукчи, коряки.
Н. П. Сокольниковъ	—	Чукотскій пол.	Марковцы, чукчи, чуванцы, пээки.
Г. А. Борисовъ . . .	1908—1909	Аляска Чукотскій пол. О. Сахалинъ	Эскимосы. Чукчи. Орочены.
Н. М. Мартыановъ .	1902—1903	Урянхайская земля	Сойоты.
Ф. Я. Конъ			
Н. А. Люба	1905	Монголія	Монголы.
Ф. С. Москвитинъ .	1906	Урга	Монголы

Эта группа мѣстныхъ собирателей снабдила сибирскій районъ Этнографическаго Отдѣла довольно полными и научно цѣнными экспонатами матеріальнаго быта и культовыми предметами разнообразныхъ народностей, разбросанныхъ изъ конца въ конецъ Сибири и за ея предѣлами. Нѣкото-

ря коллекціи полны выдающагося научнаго значенія, какъ, на примѣръ: сойотская (Н. Мартьянова и Ф. Кона), чукотская, ламутская и коряцкая (Н. Сокольников*), якутская (А. И. Попова), тунгусская (В. Попова, Э. Пекарскаго), коллекціи предметовъ культа буряты (М. Хангалова, который сопровождалъ ее обильными и обстоятельными поясненіями), коллекціи П. Островскихъ, Г. Борисова**) и др.

Во вторую группу вошли:

Случайные экскурсанты.

Лица.	Года.	Сибирь и прилегающія страны.	Народности.
А. Борисовъ	—	Архангельская г.	Самоѣды.
А. В. Журавскій . .	1905	„ „	„
К. М. Рычковъ	—	Енисейск. губ., Турух. кр.	—
С. М. Толстой	—	„ „ „ „	Юраки, долгане, якуты, самоѣды, тунгусы.
В. А. Анучинъ	1909	„ „ „ „	—
Ф. Ф. Караваевъ . .	1908	Акмолинская обл.	Киргизы.
П. Н. Бекетовъ	1906	Семипалатинская обл. . . .	—
С. А. Бутурлинъ . .	1905—1906	Якутская обл.	Юкагиры.
П. В. Оленинъ	1906	„ „	Тунгусы.

Интересно, что пятеро изъ этой группы, когда добились командировокъ, предъявляли Д. А. Клеменцу рекомендаціи ученыхъ учреждений; на дѣлѣ же оказались не на высотѣ оказаннаго имъ довѣрія и взятыхъ на себя денежныхъ и собирательскихъ обязательствъ. На примѣръ: П. Оленинъ, получивъ отъ Этнографическаго Отдѣла авансъ

*) Начало сотрудничества *Н. Сокольников*, какъ мѣстнаго работника, получившаго отъ Д. Клеменца определенное порученіе производить сборы этнографіи среди народностей Анадырскаго края, относится къ 1907 году. Дальнѣйшія сношенія онъ велъ непосредственно съ Д. А.

**) Связь инж. *Г. Борисова* съ этнограф. отдѣломъ установилась черезъ Д. Клеменца въ 1908 г., отъ него же была послана ему инструкция, какъ и что собирать среди племенъ Чукотскаго полуострова.

въ 2000 рублей, послалъ изъ Якутска всего лишь нѣсколь-
ко десятковъ разрозненныхъ вещей; С. Толстой остался
должнымъ 1237 р. 50 к.; К. Рычковъ, читающій всюду доклады
о своихъ поѣздкахъ въ Туруханскій край, обязанъ отдѣлу
полностью 1000 руб.; В. И. Анучинъ не далъ ни одной ве-
щи, не возвратилъ 1200 руб.*). Даже съ А. Журавскимъ
окончательный расчетъ не обошелся безъ нѣкоторыхъ трений.
Всѣ подобнаго рода сотрудники доставляли Д. А. Клемен-
цу тяжелыя огорченія, а Отдѣлу причиняли значительный
матеріальный ущербъ. Въ настоящее время дѣла о нихъ пере-
даны юрисконсульту Высочайшаго Двора.

Третью группу составили: постоянные сотрудники.

Лица.	Года.	Сибирь и прилегающія страны.	Народности.
А. А. Ма- каренко .	1904	Енисейск. и Иркутск. губ.	Великоруссы.
—	1906	Енисейская г. Ачин., Мин.	Велик., тат. мелеп.
—	1907—1908	Енис. (Подкамен. Тунг.)	Тунгусы.
—	1910	Амурская обл.	Великорус., кит.
—	1913	Забайкальская обл. . . .	Орочены.
Кн. Д. Э. Ухтомскій.	1908	Заб. обл. (Гусиноозер. дац.)	Монголы, буряты
	1910	Монголія	Монгол-халхасы
С. И. Ру- денко . .	1909—1910	Тоб. губ., у. Берез. и Обдор.)	Вогулы, самоѣды, остяки
А. А. Ра- гозина . .	1907	„ „ „ Курганскій . .	Великоруссы.
А. И. Ива- новъ . . .	1907—1910	Китай.	Китайцы.

*) В. И. Анучинъ, м. пр., напечаталъ въ газетѣ «День» (1913 г., № 145) фельетонъ: «Оказали содѣйствіе», съ изложеніемъ независимыхъ обстоя-
тельствъ, которыя помѣшали ему выполнить командировку въ Туруханскій
край въ 1909 г. Онъ упоминаетъ о взятыхъ имъ порученіяхъ отъ Музея Ан-
тропологии и Этнографіи Академіи Наукъ и Русскаго Комитета для изу-
ченія Азии: передъ этими учрежденіями только онъ и отчитывается публично.
В. И. Анучинъ умолчалъ почему-то о томъ, что въ томъ же 1909 г. имъ по-
лучено было, по его ходатайству, 1200 рублей отъ этнографическаго отдѣла
Р. М. И. А. III на сборы этнографическихъ коллекцій среди Енисейскихъ Остя-
ковъ. Какъ этими деньгами распорядился В. Анучинъ, такъ и осталось тай-
ной для отдѣла и завѣдующаго имъ Д. А. Клеменцъ словно предвидѣлъ это,
когда писалъ В. Анучину: «Я приму ваше предложеніе, если Вы согласитесь
сборы по матеріальному быту и культу собирать исключительно для насъ. Мы уже
потерпѣли отъ разныхъ господъ въ этомъ отношеніи, типа Рычкова, Оленина».
Скоро Д. А. пришлось убѣдиться въ томъ, что однимъ подобнымъ же «ти-
помъ» стало больше.

Говорить о нихъ не стоило бы, если бы ихъ поведеніе не сплеталось
роковымъ образомъ съ добрымъ именемъ Д. А. Клеменца.

Изъ этнографическихъ сборовъ этой группы довольно многочисленны и разнообразны коллекціи С. Руденко, который изучалъ въ Тобольской губерніи вогуловъ, обскихъ самоѣдовъ и остяковъ. Его постоянное сотрудничество въ отдѣлѣ и собирательская дѣятельность началась при Д. Клеменцѣ (съ 1906 г.), а доставка означенныхъ коллекцій производилась въ концѣ 1909 г. и закончилась въ началѣ 1910 г.

Кн. Д. Э. Ухтомскій поѣздку въ Забайкалье совершилъ на свой счетъ и вывезъ оттуда весьма цѣнное изображеніе «Райя Сукавати» (Дживаджинъ), приготовленное бурятами-художниками дацановъ: Гусиньозерскаго и Гегегуевскаго. Оно состоитъ изъ 107 номеровъ и 492 предметовъ и составляетъ часть коллекціи по ламайскому культу, собранной к. Э. Э. Ухтомскимъ и Высочайше дарованной Государемъ Императоромъ Этнографическому Отдѣлу*). Поѣздка кн. Д. Ухтомскаго въ Монголію дала довольно обильные матеріалы естественно-историческаго, антропологическаго характера; имъ собраны были также интересныя бытовыя коллекціи среди Монголь-Халхасцевъ, сдѣланы фотографическіе снимки и проч.

Какъ спеціальныя командировки хранителей, такъ и частныхъ лицъ, а равно и сборы мѣстныхъ сотрудниковъ всегда организовывались и выполнялись за счетъ суммъ Этнографическаго Отдѣла. Производились также покупки отдѣльныхъ предметовъ, а иногда и большихъ коллекцій. Продолжался притокъ пожертвованій.

По такому плану и изложенными выше способами велось ежегодное накопленіе коллекцій въ Отдѣлѣ вообще и въ районѣ Сибири въ частности. Поступленія этнографическихъ коллекцій изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Сибири продолжались и послѣ того, какъ Д. А. Клеменцъ покинулъ отдѣлъ: посылали экспонаты сотрудники, завербованные для этого отдѣла лично Дмитриемъ Александровичемъ (Адріановъ, Головачевъ, Руденко, Сокольниковъ, Г. Борисовъ).

Получаемыя коллекціи регистрировались, проводились по инвентарной книгѣ, укладывались въ ящики и тщательно сохранялись въ спеціальныхъ помѣщеніяхъ музея до момента выставки.

*) Кн. Д. Э. Ухтомскій. Рай Сукавати («Матер. по этногр. Россіи». 1910 г., т. I, стр. 91).

По статистическимъ даннымъ отчетовъ, сведеннымъ воедино въ статьѣ «Очеркъ дѣятельности этнографическаго отдѣла»*), видно, что путемъ командировокъ, покупокъ и пожертвованій съ 1902 по 1909 годъ, т. е. за время пребыванія Д. А. Клеменца завѣдующимъ этимъ учрежденіемъ, при дружныхъ и усиленныхъ трудахъ всей коллегіи хранителей отдѣла, приобрѣтено было по четыремъ отдѣленіямъ всѣхъ вообще этнографическихъ предметовъ 84969**). Изъ общаго числа коллекцій—47.798 (56,26%) предметовъ быта и культа собрано среди иноплеменныхъ народовъ Россіи и прилегающихъ къ ней странъ. Причемъ, несмотря на значительныя, по сравненію съ другими районами этнографическаго отдѣла, затрудненія, сопровождавшія производство сборовъ по сѣверо-востоку Азіи.—изъ одной только Сибири и Д. Востока доставлено было 13.793 предмета (28, 85⁰/о***). Русское племя Сибири и населеніе села Маркова (Чукотскаго пол.) представлены особыми коллекціями въ количествѣ 2516 предметовъ. Въ странахъ, прилегающихъ къ Сибири, собрано пока около пяти слишкомъ тысячъ номеровъ.

Этнографическій отдѣлъ, за тотъ же періодъ своего существованія, обогатился, кромѣ того, разнообразными и цѣнными пожертвованіями какъ въ видѣ отдѣльныхъ предметовъ, такъ и цѣнныхъ коллекцій. Среди этихъ пожертвованій первое мѣсто, несомнѣнно, занимаетъ даръ Государя Императора—богатѣйшія коллекціи (2596 предм.), приобрѣтенныя отъ наслѣдницъ г-жи Шабельской, и пожертвованныя лично В. П. и Н. П. Шабельскими коллекціи (1078 предм.); тѣ и другія имѣютъ огромное значеніе для характеристики этнографіи сѣверной и центральной Россіи. По району Сибири и Д.-Востока выдающіяся пожертвованія

*) «Матеріалы по этнографіи Россіи», 1910 г., т. 1, стр. 1—XVII).

**) Въ томъ числѣ считая и вещи (3450 шт.) доставленныя г.г. Руденко, Сокольниковымъ. Сюда же вошли коллекціи чукчей, эскимосовъ, ороchonъ Г. Борисова, такъ какъ число предметовъ, заключающихся въ нихъ, не приведено пока въ извѣстность за недоставленіемъ, по условіямъ транспортнымъ и военнаго времени, письменныхъ о нихъ свѣдѣній.

***) А именно: отъ Вогуловъ, Остяковъ, Самоѣдовъ, Юраковъ, Тюрковъ сибирскихъ и алтайскихъ, Якутовъ, Бурятъ, Киргизовъ, Тунгусовъ, Долганъ, Ламутовъ, Ороchonъ, Гольдовъ, Гиляковъ, Юкагировъ, Чукчей, Чуванцевъ, Пээковъ, Алеутовъ, Коряковъ, Камчадаловъ.

сдѣланы были Государемъ Императоромъ: пріобрѣтенная у кн. Э. Э. Ухтомскаго капитальная коллекція предметовъ (2047) буддійскаго культа, собранія китайскихъ вещей А. И. Верещагина и коллекціи эскимосскихъ, алеутскихъ и тлинкитскихъ вещей, переданныхъ въ отдѣлъ изъ Царскосельскаго арсенала. Собрание это «имѣетъ чрезвычайную важность, такъ какъ оно даетъ ключъ къ объясненію источника культуры инородцевъ крайняго Востока, обитающихъ по побережью Тихаго океана»^{*)}. Затѣмъ слѣдуютъ пожертвованія: отъ Н. П. Сокольниковъ—костяныя издѣлія чукчей и коряковъ, Гродековскаго музея Приамурскаго отдѣла И. Р. Г. О.—бытовья коллекціи инородцевъ Д. Востока, бакши донскихъ Калмыковъ Дамбо Ульянова—тибетскія книги «Ганчжурь-Данчжурь», Аргимбоя Кульджина—бытовья вещи Алтайскихъ Калмыковъ и др.

Своеобразное пожертвованіе поступило отъ комитета ликвидированнаго въ Портъ-Артурѣ музея; оно заключается въ видѣ процентныхъ бумагъ и наличныхъ денегъ (въ суммѣ 11688 р. 28 к.) съ указаніемъ спеціальнаго ихъ назначенія, а именно: чтобы собранные на этотъ капиталъ матеріалы были выставлены въ отдѣлѣ особо. Что касается покупокъ частныхъ сборовъ, то обращаетъ на себя вниманіе коллекція инж. Монковскаго, состоящая изъ гольдскихъ и ороchonскихъ одеждъ, выдѣланныхъ изъ рыбьихъ кожъ и прекрасно орнаментированныхъ.

Росла и бібліотека этнографическаго отдѣла, имѣя постоянный бюджетъ въ размѣрѣ 5000 р.; въ 1903 г. у нея было 1591 томъ, а въ отчетномъ 1909 г. она обладала уже 12211 томами книгъ, пріобрѣтенныхъ и пожертвованныхъ. Продуктивно работала также собственная фотографія отдѣла, снабжавшая, кромѣ того, экскурсантовъ отдѣла фотографическими аппаратами и др. принадлежностями для нуждъ ихъ поѣздокъ[†].

Въ такомъ порядкѣ и направленіи шла и развивалась дѣятельность этнографическаго отдѣла, и накоплялись въ немъ научныя цѣнности при завѣдующемъ Д. А. Клеменцѣ.

«Во всякомъ случаѣ», писалъ Д. А. въ сентябрѣ 1909 года изъ *Slagens'a*, «можно съ увѣренностью сказать, что въ

^{*)} Отчетъ. 1907 г., стр. 16.

ближайшемъ будущемъ Россія обогатится новымъ обширнымъ этнографическимъ музеемъ, новымъ источникомъ нагляднаго образованія для лицъ всѣхъ классовъ общества».

Перспективы прекраснаго будущаго роднаго дѣтиса не могли, однако, заслонить отъ глазъ Д. А. существенныхъ пробѣловъ. Ближняя Азіатская Россія, по разнообразію этнографическаго состава и различію культуръ, требуетъ, по его мнѣнію, «не мало и усиленныхъ еще работъ». Несмотря на то, что Сибирь сравнительно хорошо представлена инородцами, Д. А. находилъ «необходимымъ въ ближайшемъ будущемъ обратить серьезное вниманіе на Дальній востокъ», чтобы поторопиться «захватить пока не успѣвшіе исчезнуть мелкіе народы и Корею». Его печалилъ Китай, который съ его вассальными землями «почти не затронуть былъ этнографическими изслѣдованіями». Онъ считалъ задачей первостепенной важности установленіе тѣснаго общенія Всероссийскаго центральнаго этнографическаго музея съ мѣстными областными музеями, по примѣру Франціи. Мечталъ онъ и о многомъ другомъ, стремясь достигнуть наибольшей цѣльности и серьезности научной постановки дѣла музея, что сдѣлало бы его дѣйствительнымъ хранилищемъ культурныхъ памятниковъ народовъ Россіи и прилегающихъ къ ней странъ, «новымъ источникомъ нагляднаго образованія для лицъ всѣхъ классовъ, для массъ народныхъ.»

IV.

Во время завѣдыванія этнографическимъ Отдѣломъ, въ силу сложившихся обстоятельствъ и по роду своихъ занятій, Дмитрію Александровичу удалось совершить лишь одну научную экспедицію въ Сибирь. Въ 1904 году, въ сопровожденіи неизмѣнной своей спутницы Е. Н. Клеменць*), онъ отправился на Алтай съ цѣлью изученія быта алтай-

*) Покойная Е. Н. Клеменць, содѣйствуя Д. А. во всѣхъ его дѣлахъ и начинаніяхъ, отзывалась также на интересы отдѣла непосредственно. Она привнесла ему въ даръ коллекцію бытовыхъ вещей, собранныхъ ею въ Костромской губ., сдѣлала ботаническія опредѣленія коллекціи лекарственныхъ растений, поступившей изъ Сибири.

скихъ Калмыковъ и Теленгитовъ и сбора среди нихъ этнографическихъ коллекцій. Маршрутъ изслѣдованій Д. А. охватилъ часть Бійскаго округа, вдоль лѣваго берега Катунни и рѣки Чуи, по русско-монгольскому тракту. Д. А. встрѣчалъ полное содѣйствіе въ своихъ работахъ и искреннее желаніе помочь дѣлу личнымъ участіемъ и пожертвованіемъ, какъ со стороны чиновъ управленія Кабинета Его Величества, бійскихъ куницовъ, торгующихъ среди инородцевъ и въ Монголіи, такъ и среди мѣстнаго населенія — русскаго и инородческаго. Экспедиція продолжалась полтора мѣсяца и дала въ результатъ, кромѣ цѣнныхъ наблюденій, 465 предметовъ изъ быта и культа упомянутыхъ выше народностей Алтая*).

Выбравшись изъ горныхъ тѣснинъ Алтая, Д. А. Клеменцъ посѣтилъ Красноярскъ и Минусинскъ (Енисейской губ.) и заручился тамъ содѣйствіемъ для музея мѣстныхъ работниковъ. Съ тою же цѣлью онъ останавливался въ г. Томскѣ и Омскѣ. Въ свое пребываніе въ Омскѣ Д. А. сдѣлалъ сообщеніе въ засѣданіи Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О. на тему: «Кризисъ въ современныхъ шаманскихъ вѣрованіяхъ», составленное подъ свѣжимъ наблюденіемъ религиозныхъ движеній Алтайцевъ. По возвращеніи изъ Сибири, Д. А. прочелъ докладъ въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ, подъ заглавіемъ: «Изъ впечатлѣній во время поѣздки на Алтай въ 1904 году»**).

Въ этомъ докладѣ онъ разсказалъ о крупномъ событіи на Алтайѣ, которое выразилось въ религиозномъ движеніи среди тамошнихъ Калмыковъ. Оно вызвано было проповѣдью Четъ-Челпанова, призывавшаго соотечественниковъ порвать связь съ шаманствомъ и его кровавыми жертвоприношеніями. Какъ извѣстно, самъ проповѣдникъ и его сторонники были заподозрѣны мѣстною властью въ стремленіи къ сепаратизму, пресѣчь которое рѣшено было немедленно. Съ этимъ намѣреніемъ, власти, при содѣйствіи вооруженной ими банды крестьянъ, разгромили станъ Четъ-Челпанова, а его самого и десятка два—три его ближайшихъ приверженцевъ отправили въ тюремный замокъ въ г. Бійскъ. Дѣло о нихъ направлено было затѣмъ въ судебную инстанцію.

*) Отчетъ Рус. Музея И. А. III, 1904 г., стр. 13.

**) «Извѣстія» И. Р. Г. О. 1906 г. Т. XII, в. 1, стр. 155—159.

Вѣроятно, читанные Д. А. Клеменцемъ доклады въ Омскѣ и Петроградѣ о происходившемъ религіозномъ броженіи на Алтаѣ дошли до свѣдѣнія томской губернской власти. Этимъ предположеніемъ только и можно объяснить тотъ весьма рѣдкій фактъ, что, когда назначенъ былъ день судебного разбирательства дѣла Четь-Челпанова и его сподвижниковъ, то Д. А. приглашенъ былъ заблаговременно «въ качествѣ эксперта по языческимъ вѣрованіямъ»^{*)}. Его заключеніе не мало способствовало тому, что Четь-Челпановъ и томившіеся съ нимъ въ тюрьмѣ его послѣдователи освобождены были отъ подсудности и отпущены съ миромъ къ себѣ на родину ^{**}).

Должно быть, наблюденія надъ распространившимся среди алтайскихъ шаманистовъ новымъ вѣроученіемъ толка Четь-Челпанова и личное участіе въ судебномъ процессѣ оставили у Д. А. Клеменца глубочайшее впечатлѣніе.

Спустя нѣсколько лѣтъ, Д. А. снова вернулся къ вопросу о шаманствѣ, сближая его «по основнымъ его признакамъ—съ развитымъ политеизмомъ»^{***}), и къ разсмотрѣнію существа взаимоотношеній между ламаизмомъ и шаманствомъ. Эту идею онъ развилъ въ специальномъ докладѣ: «О взаимныхъ вліяніяхъ между ламаизмомъ и бурятскимъ шаманствомъ»^{****}).

Иллюстрируя свою мысль цѣлымъ рядомъ примѣровъ, Д. А. показалъ, какъ, съ одной стороны, буддизмъ, внѣдряясь среди монголовъ, тѣснилъ и вытѣснялъ мѣстами окончательно шаманизмъ, съ другой—эта религія сама уснащалась «посторонними ингредиентами и снова попадала въ обстановку первобытнаго шаманизма».

Попутно Д. А. привѣтствуетъ факторъ привлеченія этнографіи къ судебной экспертизѣ, давшей въ процессѣ

^{*)} Отчетъ Р. М. И. А. II, 1906 г., стр. 26.

^{**}) Представитель обвиненія при этомъ заявилъ, что «этнографическая экспертиза достаточно выяснила дѣло, пожалѣлъ о томъ, что не было ея при предварительномъ слѣдствіи, и выразилъ увѣренность, что при этомъ условіи дѣло Чета было бы проведено инымъ порядкомъ». (См. статью Д. Клеменца: «О взаимныхъ вліяніяхъ между ламаизмомъ и бурятскимъ шаманствомъ». —Этнографич. Обзор., 1909, кн. 83, стр. 7).

^{***}) Впечатлѣнія во время лѣтней поѣздки на Алтай въ 1904 г. стр. 1.

^{****}) Докладъ читанъ на засѣданіи подсекціи этнографіи XII сѣзда естествениспытателей и врачей въ Москвѣ. «Этнограф. Обзор.», 1909 г., кн. 83.

Чета столь благоприятный результат. Въ Сибири, какъ и въ Европейской Россіи—въ дѣлѣ вотяковъ,—это былъ первый случай. Исповѣдуя теоретически мнѣніе о цѣлесообразности участія въ судѣ этнографіи и убѣдившись въ томъ самолично, Д. А. въ заключеніе выражаетъ въ означенномъ докладѣ «скромное пожеланіе о томъ, чтобы русскіе этнографы обратили вниманіе на этнографическую экспертизу въ судахъ» (7).

Погруженный въ организаціонную работу по созданію Этнографическаго Отдѣла, Д. А. Клеменць не прерывалъ своей общественной работы и трудовъ въ области науки*).

Такъ, въ томъ же 1904 г. Д. А., въ качествѣ члена Русскаго Центральнаго Комитета международной Ассоціаціи для изслѣдованія Средней и Восточной Азіи, выработалъ программу для предполагавшейся экспедиціи Комитета за Тянь-Шань въ Турфанскій оазис**.)

*) Касаясь этой стороны дѣятельности Д. А., я ограничусь однако лишь простымъ перечнемъ его трудовъ, вышедшихъ за время пребыванія его завѣдующимъ Этнограф. Отдѣломъ.

***) Съ Турфаномъ у Д. А. Клеменца—кровная связь по его научнымъ открытіямъ. Но къ свѣтлому воспоминанію Д. А. объ этомъ оазисѣ примѣшалось и чувство глубокой обиды: 1) Академія Наукъ, по какимъ то причинамъ, ограничилась выпускомъ одного тома со статьею Д. А.: «Турфанъ и его древности»; а опубликованіе детальнаго описанія предметовъ, добытыхъ турфанской экспедиціей въ 1898 г., такъ и замерло; 2) «всѣ его хлопоты по снаряженію въ ту же мѣстность другой экспедиціи на болѣе продолжительное время оказались безплодными». (*Д. Анучинъ*. Памяти Д. А. Клеменца. —«Рус. Вѣд.», 1914 г., № 7).

Гнѣвался за Турфанъ Д. А. и на «нѣмца». «Судите сами», пишетъ Д. А. своему корреспонденту, «въ 1898 г. мнѣ удалось открыть по слѣдамъ китайскихъ источниковъ остатки буддійскихъ древностей. Эта новость взволновала весь міръ ориенталистовъ. Достаточно, что на Римскомъ конгрессѣ ориенталистовъ рѣшено было въ каждой странѣ устроить по Комитету для изслѣдованія Затяньшаня. Мы съ нѣмцами раздѣлили территоріи изслѣдованій. Я передалъ имѣвшіеся у меня матеріалы музею Берлинскому, помогли, чѣмъ только могли. Послѣ первой нѣмецкой экспедиціи направились двѣ—одна отъ насъ, другая—отъ нѣмцевъ; условлено было строго раздѣлить районы; но нѣмецъ просилъ докончить работу въ одномъ храмѣ, который онъ началъ изслѣдовать въ первую экспедицію. Это было ему любезно разрѣшено; но нашъ посланный пріѣхалъ поздно; а нѣмецъ, докончивши все въ одномъ мѣстѣ, безъ церемоніи принялся обирать матеріалы и въ другихъ. Завелась по этому поводу переписка, въ результатѣ которой получился отвѣтъ: «что у волка въ зубахъ—Егорій далъ»,

Въ 1905 г. Д. А. написалъ для одного англійскаго изданія статью о вѣрованіяхъ бурятъ-шаманистовъ (Religion of Buriats*); помѣстилъ некрологи: Н. М. Мартянова («Извѣстія» И. Р. Географ. О-ва, т. XL, 1905 г., стр. 47—50) и Д. А. Корончевскаго («Ежегодникъ» Р. Антропол. О-ва т. I, 1905 г., стр. 256—258) и напечаталъ въ журн. «Русское Богатство» статью: «Бѣглыя замѣтки о желтой опасности» (1905 г., №№ 7 и 9**).

Въ 1906 г. Д. А. принималъ участіе въ комиссіи по изданію карты Россіи И. Р. Географическимъ Обществомъ. Въ то же время редактировалъ и частью закончилъ переводъ съ нѣмецкаго проф. Казанскаго У-та И. Н. Смирновымъ сочиненія Г. Шурца—Urgeschichte der Kultur («Исторія первобытной культуры»); оно вышло въ свѣтъ съ предисловіемъ и дополненіями Д. А.***).

Въ 1907 г. Д. А. написалъ въ сборникѣ статей о Сибири, вышедшемъ подъ редакціей г. Мельника, очеркъ: «Населеніе Сибири» («Сибирь, ея современное состояніе и ея нужды» СПб. 1908 г. стр. 37—78).

Въ слѣдующемъ (1908) году Д. А. помѣстилъ въ энциклопедическомъ словарѣ Ганса Мейера статью: «О возрастныхъ классахъ, клубахъ и тайныхъ обществахъ у первобытныхъ народовъ» и напечаталъ въ «Запискахъ» И. Р. Г. О-ва замѣтку: «О маршрутѣ китайскаго путешественника, даосскаго монаха Чанъ-Чуна», который, выполняя порученіе знаменитаго Чингисъ-хана, изъ внутренняго Китая проникъ черезъ сѣверную Монголію въ Самаркандъ. Благодаря многократнымъ путешествіямъ своимъ въ Монголію, Д. А. Клеменцъ успѣлъ ближе, чѣмъ его предшественники (Позднѣвъ, Потанинъ и др.), ознакомиться съ мѣстностями Хангайскаго нагорья и юго-востокомъ Пригобійскаго Алтая, что дало ему возможность возстановить въ главныхъ чертахъ направленіе пути даосскаго монаха вплоть до его прибытія на южную сторону Джунгарской Гоби.

*) Отчетъ Р. М. И. А. III, 1905 г., стр. 20.

***) Н. Мошлянский: Памяти Д. А. Клеменца (Матер. по этнограф. Россіи. Т. II, 1914 г., стр. VII).

***) Отчетъ, 1906 г., стр. 26.

Дальнѣйшій путь Чанъ-Чуня вплоть до Самарканда уже вполне выясненъ, и Д. А. оставилъ его поэтому безъ описанія*).

Въ томъ же 1908 году Д. А. перепечаталъ въ журн. «Сибирскіе Вопросы» (1908 г., №№ 49—52, стр. 7—57) статью: «Замѣтки о кочевомъ бытѣ», представляющую общую сводку его замѣтокъ о кочевомъ хозяйствѣ, печатавшихся въ 1905 г. въ «СПБ. Вѣдомостяхъ». Въ сотрудничествѣ со мною, Д. А. написалъ (за подписью «Альтерно») и напечаталъ въ «Сибир. Вопр.» (1908 г., №№ 33—34, стр. 15—28) библиографическую замѣтку: «Новый сборникъ о Сибири», посвященную критикѣ статей «Сборника», редактированнаго г. Мельникомъ; перу Д. А. принадлежатъ полностью мѣста, относящіеся къ вопросамъ: «Торговля въ Сибири» (М. Боголѣпова), «Города Сибири» «Нужды Сибири» (статьи Г. Потанина); частично онъ высказался по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ, трактуемымъ въ «Сборникѣ», за исключеніемъ темы, имъ самимъ разработанной въ именованной выше статьѣ («Населеніе Сибири»).

Въ 1909 году Д. А. напечаталъ въ «Сибир. Вопр.» (№ I, стр. 14—17) небольшую статью: «На текуція темы». Въ ней онъ ставитъ на очередь вопросъ о помощи инородцамъ сѣверо-востока Сибири, которые вырождаются и вымираютъ, и объ упроченіи ихъ хозяйства, путемъ обученія, напимѣръ, веденію правильнаго оленнаго хозяйства и искусственному разведенію пушныхъ звѣрей, что, въ свою очередь, способствовало бы сохранности этихъ цѣнныхъ породъ. Въ этомъ же году Д. А. прочиталъ въ засѣданіи подсекціи этнографіи XII съѣзда естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ докладъ «Объ условіяхъ перехода кочевниковъ къ осѣдлости».

Еще въ бытность Д. А. Клеменца завѣдующимъ Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея Императора Александра III, была разработана, при его участіи, программа постояннаго органа Отдѣла, и при немъ еще сталъ печататься, подъ редакціей хранителя Ѳ. К. Волкова, первый томъ подъ общимъ названіемъ: «Матеріалы по этнографіи Россіи» (СПБ. 1910 г.). Въ этотъ томъ (стр. 117—154) вош-

*) Отчетъ Р. М. И. А. III, 1908 г., стр. 26.

ла и статья Д. А.: «Общественныя охоты у сѣверныхъ бурятъ» (Эгэгэ-аба—охота на росомахъ), написанная по рукописнымъ матеріаламъ сотрудника Отдѣла М. Н. Хангалова.

Научная работа, однако, не отвлекала Д. А. Клеменца отъ повседневныхъ трудовъ и прямыхъ заботъ о судьбѣ Этнографическаго Отдѣла. Его сильно волновалъ вопросъ о планѣ зданія, разработанномъ внѣ сферы его вліянія и подвергавшемся къ тому же частымъ передѣлкамъ; не менѣе его беспокоила медленность постройки зданія для Отдѣла, и озабочивали серьезно вопросы предстоящей мебелировки зданія, практическихъ шаговъ по расположенію музейныхъ матеріаловъ и т. п. Въ дѣлѣ постройки зданія Д. А. удалось лишь настоять на томъ, чтобы косяки оконъ обоихъ этажей были скошены внутрь, чѣмъ достигнутъ былъ пропускъ въ помѣщенія нѣсколько большаго количества наружнаго свѣта. Когда созвана была коммисія для рѣшенія вопросовъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ опредѣленію типа мебели для достроеннаго вчернѣ зданія, Д. А. выступилъ въ ней съ схемой расположенія въ помѣщеніи шкафовъ и витринъ, выработанной имъ. При этомъ имъ было принято во вниманіе два основныхъ требованія: 1) наилучшее условіе освѣщенія выставочныхъ предметовъ и 2) возможно большая экономія мѣста, т. е. полученіе максимума пригоднаго для выставки объектовъ пространства. Эта схема была принята шкафной коммисіей; она присоединилась также къ предложенію Д. А. Клеменца—постройкѣ однотипныхъ шкафовъ и витринъ преимущественно изъ желѣза, зеркальнаго стекла и съ герметическими затворами*). Въ слѣдующемъ засѣданіи было признано допустимымъ введеніе въ музейный обстановочный обиходъ нѣкотораго процента деревянной мебели со стекломъ.**)

Въ настоящее время Этнографическій Отдѣлъ снабженъ и желѣзной и деревянной мебелью. Работы по установкѣ въ зданіи желѣзныхъ шкафовъ и витринъ начались при Д. А. Клеменцѣ, а закончились послѣ того, какъ онъ покинулъ службу въ Отдѣлѣ. Безъ Д. А. произведена была дополнительная обстановка деревянной мебелью. Безъ него

*) Протоколъ коммисіи 20-го мая 1908 г., № 1.

***) Протоколъ коммисіи отъ 27-го мая, 1908 г., № 2.

уже «Старый Отдѣль» перебрался въ новое зданіе, и, наконецъ, безъ Д. А. установлено было нынѣшнее расположеніе въ Отдѣлѣ музейныхъ экспонативъ.

V.

Будучи отвѣтственнымъ администраторомъ и духовнымъ руководителемъ всей дѣятельности Этнографическаго Отдѣла, Д. А. Клеменць несъ вдобавокъ особый трудъ въ качествѣ хранителя-этнографа отдѣла Сибири и Дальняго Востока. Тамъ онъ, какъ упоминалось выше, организовалъ планомѣрные сборы этнографическихъ коллекцій; самолично занимался регистраціей коллекцій по своему району; онъ завѣдывалъ инвентарной книгой, тщательно и подробно внося въ нее предметы зарегистрированныхъ коллекцій; былъ одновременно редакторомъ регистраціонныхъ списковъ, стекавшихся къ нему изъ всѣхъ отдѣловъ; на немъ лежалъ трудъ обученія дѣлу регистраціи работающихъ въ Отдѣлѣ по вольному найму, составъ которыхъ часто мѣнялся въ зависимости отъ колебанія поступленій этнографическихъ матеріаловъ. Д. А. входилъ въ многообразныя сношенія съ учеными обществами и учреждениями, различными фирмами и т. п. Къ нему обращались путешественники, экскурсанты. Его кабинетъ былъ открытъ для каждаго, и каждому самъ Д. А. былъ доступенъ безъ всякихъ формальностей.

Приходя на занятія, можно было часто застать Д. А. уже сидящимъ въ кабинетѣ за исполненіемъ своего дѣла. Не проходило дня, чтобы завѣдующій не обошелъ своихъ коллегъ и другихъ служащихъ. Запросто, бывало, Д. А. подойдетъ къ столу того или иного «регистратора» и тутъ же, по собственному почину, или по запросу перваго, станетъ давать тѣ или иныя объясненія, напр., какъ вести регистрацію предметовъ и пр. Этому дѣлу онъ придавалъ большое значеніе, какъ черновой подготовкѣ матеріаловъ къ научному описанію музейныхъ коллекцій. Д. А. всегда былъ за то, чтобы регистрація коллекцій не только отвѣчала требованію правдиваго описанія внѣшнихъ признаковъ предмета (его формы, размѣра, матеріала и т. д.), но и сообщала бы дополнителныя о немъ свѣдѣнія, относя-

щіяся къ его назначенію, способу употребленія, степени распространенности и пр. Въ разговорѣ онъ усаживался на стулъ, подвернувъ подъ себя ногу, или продолжалъ стоять, иногда опершись ногой о стулъ, всегда съ папирской, которую не выпускалъ изъ рта. Къ этому мѣсту подойдетъ то одинъ то другой хранитель, соберутся «регистраторы», кто послушать, кто разпросить. Завяжется общій разговоръ, совместное обсужденіе метода регистраціи, подведенія частнаго случая классификаціи предметовъ подъ общую систему и т. д. И вопросы разрѣшались скоро, но серьезно, обстоятельно. Каждый получалъ не только практическое указаніе съ теоретическимъ обоснованіемъ или съ ссылкой на соответствующій примѣръ, но и извѣстное моральное удовлетвореніе отъ сознанія, что онъ часть—общей семьи работниковъ въ Отдѣлѣ, трудящихся по общему плану надъ сознаніемъ національнаго учрежденія. Работа общая спорелась, а престижъ завѣдующаго Д. А. Клеменца и хранителей отдѣла все росъ въ глазахъ ближайшихъ сотрудниковъ.

Такимъ-то былъ «Старый Отдѣлъ», такова была рабочая жизнь въ немъ и установившіяся традиціи. Въ «Старый Отдѣлъ» приходили работать,—какъ «въ родной домъ»,—не разъ говорилось. Въ центрѣ его стоялъ Дмитрій Александровичъ, окруженный общимъ вниманіемъ и уваженіемъ.

Какъ-то выходило, что даже служители музея дѣлали Д. А. повѣреннымъ своихъ нуждъ и желаній. По ихъ просьбѣ онъ исходатайствовалъ разрѣшеніе Августѣйшаго Управляющаго Русскимъ Музеемъ Императора Александра III Великаго Князя Георгія Михайловича на устройство для служителей кассы взаимопомощи. Она открыла свои операциі въ 1905 г., имѣя перваго выборнаго предсѣдателя въ лицѣ Д. А. Клеменца:

Можно было бы добавить рядъ другихъ характерныхъ эпизодовъ, гдѣ Д. А. выказалъ, какъ администраторъ, гуманное и справедливое отношеніе къ служительскому персоналу музея,—чѣмъ оставилъ по себѣ въ Отдѣлѣ добрую память.

Тихо и незамѣтно ушелъ Д. А. Клеменць изъ Этнографическаго Отдѣла. Такъ же тихо и незамѣтно сошелъ онъ и въ могилу въ Москвѣ. Близкіе друзья и товарищи похоронили его 13 января 1914 года на Ваганьковскомъ кладбищѣ рядомъ съ той, кто любилъ и лелѣялъ его до гробовой доски, кто превозмогалъ съ нимъ трудности научныхъ путешествій, кто дѣлилъ радости и горе послѣднихъ лѣтъ, — съ его вѣрной женой Елизаветой Николаевной Клеменць.

Русскій Музей Императора Александра III делегировалъ на похороны Клеменца князя Д. Э. Ухтомскаго, который возложилъ на гробъ массивный вѣнокъ и произнесъ на могилѣ весьма прочувствованную рѣчь. Отъ служительскаго персонала музея и нештатныхъ служащихъ также былъ возложенъ вѣнокъ, а представитель ихъ, — авторъ сихъ воспоминаній, — сказалъ у открытой могилы любимаго и незабвеннаго Дмитрія Александровича Клеменца послѣднее прости.

Алексѣй Макаренко.

